

VIII. ОБЩИЕ СООБРАЖЕНИЯ О СЛОВООБРАЗОВАНИИ

§ 129. Словоизменение и словообразование

В алтайских, как и во многих других языках, часто бывает невозможно провести резкую границу между флексией (словоизменением) и деривацией (словообразованием)¹⁹³. Многие, что некогда с полной несомненностью воспринимались как словообразование развития языка и в результате сдвигов в восприятии языка, было переведено в парадигму словоизменения (ср. Gabain, § 338). Например:

тюркск. *bolur* „станет (становится, есть)“, *bolmaz* „не есть“ (< *bolur er*),

монг. *jabuᠨaᠮ* „он идет“ (< *jabuᠨ am*),

дочув. *bol* „будь!“, *boltur* „пусть он будет! дай ему быть“ (вторичный глагол *boltur-* „позволить, велеть быть, побуждать чтобы был“),

монг. *moritu* „с лошастью (снабженный лошастью), верхом“, мн. ч. *moritaᠨ* „всадник“ (быть может < *moritu taᠨ* „верховой отряд“),

тунг. *tartiki* „туда“ (< *tar* „тот“ + *tiki* „направление“),

тюркск. *allaḡ* „лошади“, *atsyz* „без лошади (безлошадный)“, букв. „отделенный от лошади (лишенный лошади)“,

чув. *цѣра* „с лошастью“ (< *цѣ* „лошадь“ + *ра* < *birlä* „вместе, с“).

Именная и глагольная флексии сильно отличаются друг от друга, и случайные фонетические подобия окончаний не указывают, как правило, на их логическое или историческое тождество. И наоборот, при словообразовании наблюдается иногда смешение и отождествление основообразующих элементов отглагольного происхождения с элементами отыменного происхождения¹⁹⁴. Суффиксы, служившие первоначально для отглагольного словообразования, начинают применяться по аналогии и для отыменного образования новых слов, и наоборот. Поэтому во многих случаях остается невыясненным, являлся ли словообразовательный суффикс первоначально отглагольным или отыменным, например:

монг. *taḡaṣa-* (< **ṭaraṣa-*) „отгадывать“, тюркск. *ṭaryš-* „найти друг друга“ (отглагольное); монг. *daiṣa-* „враждовать“, тюркск. *jaṭyš-* — то же (отыменное);

монг. *taliji-*, калм. *talī-* „исчезать“, др.-тюркск. *taṣuq-*, н.-тюркск.

ṣuq- „удаляться“ (отыменное); тюркск. *tutuq-* „держаться“, *tulsuq-* — то же (отглагольное);

монг. *kökege-* „становиться синим“, тюркск. *köger-* — то же (отыменное); монг. *uṣṭara-* „погаснуть“ (отглагольное);

монг. *taji-l-* „развязывать, распускать“, *tajira-* „развязываться, растворяться“ (отыменное); монг. *ari-l-* „исчезать, очищаться“ (тюркск. *-l-* как признак страдательного залога).

Эту способность многих основообразующих суффиксов служить образованию новых отглагольных и отыменных слов следует либо рассматривать как обобщение, либо же считать ее основанной на том, что существовавшие первоначально фонетические признаки различия затем утратились, например:

монг. *morī-la-* „ездить верхом“ (< *morin* + отыменный *-la-*),

монг. *ḡaru-la-* „идти по очереди“ (< *ḡarin* „на очереди“ от глагола *ḡaru-* „идти по очереди“)¹⁹⁵,

монг. *ḡara-la-* „становиться черным“ (< **ḡara-ra*), *ḡara-la-* „чернить“ (< **ḡara-la*).

Общий для всех алтайских языков принцип словообразования заключается в возможности образования новых слов по образцу известных, твердо установившихся типов слов, при помощи одного и того же или одних и тех же конечных слогов (см. VA, стр. 98—). Только в очень редких и особых случаях и значениях могут быть выявлены иные принципы. Важнейшие из них приведены в следующих параграфах.

§ 130. Редупликация

Редупликация применяется в монгольском и в тюркском языках как средство словообразования, причем чаще всего образования прилагательных: она служит цели выражения интенсивности какого-либо свойства. При этом прилагательному предшествует редулицируемый слог, который представляет собой первый слог данного прилагательного, заверченный слоговым *-p* ~ *-b*, например: тюркск. *ḡar ḡara* „угольно-черный“, *ḡur ḡuzul* „огненно-красный“, *ṣip ṣiṣig* „густо-киноварного цвета“, *ar aḡ* „белоснежный“ (> алт., тел. *arraḡ* „белый“), *jar jaḡu* „новехонький (сверкающе новый)“; монг. *ḡab ḡara* „угольно-черный“, *ṣab ṣagan* „белоснежный“, *ub ulān* „огненно-красный“, *ṣib ṣilger* „светлый-пресветлый“, *ṣab ṣaga* „ярко-желтый“, *ṣib ṣine* „новехонький“, калм. *zab zalū* „молоденький-премолоденький“ и т. д.¹⁹⁶

Сюда же относится, между прочим, уйг. *aram* „в случае, если...“ наряду с *am*, *amtu* „прямо сейчас, сейчас же, тотчас, немедленно“ (койб. *am*, *amḡ* „сейчас, теперь“; монг. *amṣi-* „во-время прибыть“; тунг. *amakan* „быстро, тотчас“); тур. *ārāj* „изрядно, довольно хорошо“ (тат. *arī* < *ar aḡ* или тур.), ср. монг. *ṣb eje* „совершенно спокойный“, *eje* „гармония, согласие“, кор. *ejerri-* „быть красивым, быть хорошим“, *ṣrri-* — то же (SKE, стр. 52); казах.

qol-arai-syz „негибкий, неуклюжий“, ср. qol-ai „удобный“, тунг. aja „хороший“. Помимо -р, -в редуцированный слог может иметь в исходе и другой согласный звук, например: монг. batu „крепкий“, bas batu „крепчайший“; калм. bitü „замкнутый“, bim bitü „накрепко запертый“; ср.- тюркск. (Brockelmann, стр. 111) köm kök „ослепительно (как молния) синий“; тур. büs bütün „весь целиком“, ter temiz „совершенно чистый“; чув. tәм tättәм (< tün) „темный-претемный“ и т. д.

Эта тенденция к редукации, с помощью которой в монгольском и тюркском образуются своего рода степени сравнения, в тунгусском и корейском языках не отмечается, но существует, например, в финском: (финск. tyhjä „пустой“) tyрö tyhjä „совершенно пустой“, supi suomalaisen „истинно финский“ и т. д. (см. Räsänen, стр. 239).

§ 131. Фонетическое преобразование первого слога

Для выражения понятия „и так далее“, „и тому подобное“, „или что-нибудь в этом роде“ тюрки и монголы применяют своего рода повторы или полную редукацию, состоящую в том, что непосредственно за существительным следует его вариант, первым звуком начального слога которого является звук п¹⁹⁷, например: калм. temē „верблюды“, temē шemē „верблюды и пр.“; халх. adu „табун лошадей“, adu madu „лошади и скот“; халх. gal „огонь“, galči „пожарный“, galči malči „слуги“; калм. ger „дом“, ger meг „дом и двор“ и т. п. В монгольском языке, если слово, к которому предстоит образовать такого рода рифму, само начинается со звука п-, для парного к нему слова предпочтительным начальным звуком является s-, например: монг. mal sai „скот“, шogin sogin „лошади и рогатый скот“; калм. бага бага „мелочи, пустяки, хоть что-нибудь“ и т. д. Реже встречаются в монгольском слова-рифмы к первому слову с начальным звуком l-. Во всяком случае они представляют собой значительно более свежие образования, так как монгольский язык на исторически-первичной стадии развития не знает в первом слоге начального l-. Эти фонетические преобразования с начальным l- как будто употребляются во Внутренней Монголии и в Маньчжурии, например шogin login (может быть, по образцу lūs „лошак“) „лошади и пр.“, imbe limbe „флейты и кларнеты“ и т. д.

Преобразование осуществляется также при помощи начального слога bu-, например, халх. alag „пестрый“, alag bulag „очень пестрый, разношерстный“, монг. alus „далекий, через (поверх)“ alus bulus „один над другим, друг через друга, в полном беспорядке“; чув. aš-pāš (aš-puš < тат.) „мясное блюдо“; монг. ili-būli- „льстить и подлаживаться“ и т. д. (см. подробнее Räsänen, стр. 239—).

В монгольском языке фонетическое преобразование встречается и в глаголах; оно заключается в том, что вслед за глаголом появляется синонимический повтор к нему, начинающийся со звука

d¹⁹⁸. Значение такого глагола-гендиадиса сводится, кажется, к акцентированию различных фаз какого-либо действия, например: халх. olxo dolxo „найти (и овладеть)“, калм. ūl'xъ dūl'xъ „плакать и стенать“ и т. п. В тех случаях, когда гласным первого слога является i-, взамен d- появляется ž-, например калм. ilxe žilxe „быть чрезмерным“, калм. irzä- žirzä- „показывать зубы“ и т. д. Тот же самый прием преобразования встречаем мы иногда и в именах, например: im žim ügei „совершенно беззвучно“, ilbi žilbi „фокус-покус“, elbeg delbeg „в изобилии“ arzagag darzagag „неровный и негладкий (шероховатый)“ и т. п.

§ 132. Социальные предпосылки фонетических преобразований

Следуя древнейшим обычаям, калмыцкие девушки и молодые женщины в присутствии мужчин или лиц старшего возраста для называния собственных имен и наименований предметов, связываемых с понятиями приличия, не должны были пользоваться их обычными наименованиями, а должны были прибегать к различного рода описательным приемам, т. е. к синонимам¹⁹⁹, либо же, поскольку таковые не всегда можно было легко подобрать да и понять, к особому преобразованию нужного слова с помощью начального звука j-, например собственное имя Badma, в том случае, если в семье родителей мужа был кто-либо другой, старший по возрасту родственник по имени Badma, заменялось именем Jadma; точно таким же образом имя Kökö заменялось Jökö, Kowan именем Jowan, вместо Tsagan употреблялось Jagan и т. д.

Эти социальные нравы оказываются немаловажными для изучения истории формирования языка, ибо только благодаря знакомству с ними могут быть объяснены некоторые фонетические явления в языке, например: монг. ionug „конская сбруя, украшение на голову (для волос), украшение на платье, отделка“ (тюркск. top „платье, одежда“), но алт. jonoq „конская упряжь, сбруя“ и якут. son „шуба, мех, платье“; монг. bügüde „все, весь, целый“, но тел. (Радлов, III, 447) jögödö „все“; тюркск. qanat (монг. qana) „крыло“, но дочув. *janat, ныне šunat (то же); монг., чаг. šoga, казах. šoga „герой“, но кирг. joга (то же), и т. п. Также и чув. ššvar „рот“, должно быть, возводится к šī-švar, где šī = др.-тюркск. jeg, jīg, монг. dege-re „наверху, верхний“, и švar = тюркск. ayyuz, ayuz, якут. uos, кор. agurī, agarī „отверстие, рот“ (SKE, стр. 5): название „верхнее отверстие“ для обозначения рта, несомненно, опирается на уступку общественным условностям*.

§ 133. Изменение гласных

Несмотря на то, что в алтайских языках не удается выявить изменения гласных в качестве грамматического средства, в древ-

* Ср. у Рясанена (Räsänen, стр. 189, 208 и 240), который иначе объясняет некоторые из приводимых здесь фактов.— Прим. П. Аалто.

нейших, так сказать доалтайских, пластах языка можно найти явления, обнаруживающие его. Прежде всего здесь должны быть приведены монгольские личные местоимения: ед. ч. **min* „я“, **tin* „ты“, **in* „он, она“, мн. ч. *man* „мы“, *tan* „вы“, **an* „они“; в ед. ч. в них обнаруживается гласный *-i-*, тогда как для мн. ч. имеется *-a-*. В вопросительных местоимениях существует изменение *a || e*, которое тоже по своему происхождению является, должно быть, доисторическим: монг. *qa-* || *ke-* или *qan* || *ken* „кто“, монг. *ja-* || *je-* или *jan* || *jen* „что“ (ср. латинск. *quid* и *quod*). Изменения, происходящие между гласными заднего и переднего ряда, встречаются довольно часто и не только внутри одного языка, но и внутри различных языковых групп, например: тюркск. *an* „сейчас“, др.-тюркск. *antū* „теперь“, по тат., казах., тур. *endi*, *ende* (< *em-ti*) „теперь“; монг. *qalia-ji*, *kelte-ji-* „быть косым, быть полу-... (наполовину)“ *qalta-gai*, *kelte-gci* „половина, половинная сторона“; монг. *ag-sa-*, тюркск. *aq-sa-* „вскипеть, вспылить, сердиться“, тунг. *ekse-* (то же); монг. тюркск. ономатопоэтическое *sal* в *sal-dun* „освежающий ветер“, монг. *sel* „свежий порыв ветра (сквозняк)“, тунг. *selidi* „сквозняк“ и т. п. (SKE, стр. 221—); относительно тюркских языков вообще см. (Räsänen, стр. 57—).

Чередование между *a* и *ä* (*e*) особенно часто имеет место в корейском языке. Мы можем видеть, что это изменение происходит: а) без намерения внести изменение в значение слова, либо без того, чтобы различие в смысле особенно бросалось в глаза, например: *pas-~pes-* „раздеваться“, *mas~mes* „вкус“, *masi-~mesi-* „отведывать, пить“, *magi~megi* „голова“, тунг., монг. *hala-* „быть слепым“ — кор. *met-* „быть слепым“²⁰⁹; б) для подчеркивания, т. е. для усиления значения, в особенности прилагательных, тем, что узкий гласный (*u*, *i*, *i*) замещается широким, например: кор. *pink-* „быть красным“, *pinkin* „красный“, но *polk-*, *polgan* „яркокрасный“; *phugin* „зеленый“; *phogan* „светло-, яркозеленый“; *pije han* „серый“: *proja han* „темносерый“; *hjin* „белый“: *hain* „чисто-белый“; быть может, и *kem-* „быть черным“: *kam-*, *kkan-* „быть угольно-черным“ и т. п.; в) для привнесения и передачи оттенка презрительности, например: *i man* „вот столько же“: *jo man* „в этом недостаточном количестве“; *i pom* „этот человек“: *jo pom* „этот мошенник“ *šo pom* „ах ты, мошенник!“, *ko pom* „тот вон мошенник“, т. е. при помощи параллельных форм от местоимений *je* „этот“, *še* „тот“, *ki~ke* „тот, что воп (там)“; в других случаях, правда, труднее усмотреть разницу в значении слов, например, *pasen~pesen~posjen* „чулок“ (см. Кор. Ст., § 103).

§ 134. Гендиадис (Hendiadyoin)

Вряд ли приходится сомневаться в том, что всем алтайским языкам, имевшим древнюю народную литературу, свойственно было особое пристрастие к синонимическим повторам и рифмующимся парным словам²⁰¹. Нужно лишь обратиться, например, к казахским

текстам в труде Радлова, чтобы найти этому подтверждение. Как монгольский, так и тюркский фольклор обладает — там, где он наиболее развит, — богатым набором синонимов, парных слов и рифмующихся слов, лишенных сами по себе смысла, но любимых народом, который употребляет их лишь для благозвучия и пользуется ими лишь как стилистическим приемом. Широкое использование гендиадиса в приложении как к именам, так и к глаголам, встречающееся в религиозной литературе уйгуров, восходит, должно быть, к литературным вкусам древних тюрков (ср. Gabain, § 36, 1). Фольклор монгольских племен изобилует парными словами и параллелизмами.

В гендиадисе часто первое или второе слово представляется лишенным смысла; если второе слово не является простым подражательным преобразованием первого, то часто его значение разъясняется только через какой-либо другой алтайский язык, например: монг. *gal* „огонь“, бурят. *gal*, но в поэтическом языке *gal* *χūl*, ср. тюркск. *kül* „пепел“; монг., халх. *isas mus*, калм. *tsasṇ mösṇ* „снег“ (< „снег и лед“); монг., халх. *isās χūs*, *tsars χürs* „бумага“ (< „листая и оберточная бумага“); др.-тюркск., уйг. *budun buqun* „народ“ (ср. калм. *buḫi* „полк, правительство“); монг. *ala-tala-* „убивать (и грабить)“; монг. *barug būrüg* „темный и мрачный“ (ср. тюркск. *böz* „серый, темный“); монг. *kelegei malagai* „закрывающийся, немой“, ср. кор. *mal* „слово“ (SKE, стр. 138), монг. *kele* „язык (речь)“, „язык“ и т. д.

Во все времена как в монгольском, так и в тюркском отвлеченные имена (Abstrakta) выражались путем одновременного употребления двух противоположных по своей идее понятий, например: уйг. *uluḫi kičigi* „величина“, монг. *jeke бага* (то же); монг., халх. *χūlier χalür* „температура“ и т. д.²⁰² Как предполагает А. Габэн (Gabain, § 365), подобные выражения восходят, должно быть, к китайским образцам.

§ 135. Ономатопоэтические слова

Словообразование в алтайских языках выявляет значительную склонность к ономатопоэтическим воспроизведениям. Если взять, например, слово тюркск. *ur-* „пить“, монг. *uw-* (то же), то сразу же становится ясным, что возникновению этого слова способствовал звук, различаемый при питье. Тунгусо-маньчжурское слово „пить“ — *uḫ-*, *uḫi-* не тождественно тюркско-монгольскому, однако первоначально оно должно было иметь один и тот же звукоподражательный источник. Множество имен, в особенности — наименований зверей, птиц, насекомых и т. д. во всех языках обязано своим происхождением склонности человека к подражанию. Глаголы, которые своей звуковой структурой должны производить желаемое впечатление, по своему числу значительно превосходят эти имена. Новые глаголы того же типа беспрестанно возникают в различных языках и диалектах, вне всякой зависимости друг от друга.

Некоторые древние глаголы, не имеющие ни ясных словообразующих суффиксов, ни других групповых примет, могут, однако же, быть по своему происхождению оноματοпоэтическими, например: тюркск. *tik-*, монг. *čiki-* „втыкать, вкалывать“; тюркск. *čar-*, монг. *čarči-* „шлепать, хлопать“; тюркск. *čoq-*, *toq-*, *soq-*, монг. *čoki-*, „толкать, бодать“ и т. д. Форманты, существующие для образования производных форм простейших звукоподражательных глаголов, в монгольском и тюркском языках в большинстве своем одни и те же, а потому могут считаться достоянием, унаследованным из древнего языка²⁰³. Например:

- 1) -га-: тюркск. *čuyra-* „блестеть“, *jaltuyra-* „блестеть“, *čigrä-k* „резкий“, *joltura-* „блестеть“, *külrä-* „бултыхаться“, *jiltire-* „мерцать“, *bükrä-* „кланяться“, *titire-* „дрожать“, *čičire-* „дрожать“, *moč-rä-* (монг. *moč-re-*) „роптать, ворчать“.
- 2) -ла-: казах. *bälä-* „блеять“, *juyra-* „плакать“, *ayla-* „стонать, вздыхать“;
монг. *ujla-* „плакать“, *čaila-* „звать“, *ogla-* „ворчать“, *burla-* „роптать, ворчать“.
- 3) -kira-: кирг. *gočyra-* „ворчать“, *širkire-* „чирикать“;
монг. *čaikira-* „звать“, *časkira-* „кудахтать“, *šis-kire-*, *iskire-* „свистать“, *tükira-* „травить, цаулькивать“;
тюркск. *čačyra-* „звать“.
- 4) -ki-: монг. *čoki-* „бить“, *točki-* „выковыривать“;
маньч. *točki-* (то же).
- 5) -gi-: монг. *šügi-* „шуметь, буянить“, *šägi-* (то же), *niŋgi-* „гремять“, *türgi-* „выплювывать“, *turgi-* „сопеть, фыркать, храпеть“, *žirgi-* „щелкать“.
- 6) -gina-: монг. *šügina-*, *šagina-* „шуметь, буянить“.
- 7) -ši-: монг. *točši-* „долбить крючковатым клювом“, *širši-* „обнюхивать“, *šapši-* „щелкать“, *tüksi-*, *tukši-* „колотить, стучать“, *šobši-*, *šogši-* „лениво бежать (вперевалку)“, *okši-* „взламывать“.
- 8) -па- (редкий): тюркск. *čatupa-* „брызгать, прыскать“, ср. также монг. *šü-gi-pa-*.
- 9) -lža-: монг. *iržalža-*, *irbalža-* „скалить зубы“, „ухмыляться“, *širbalža-* „барахтаться, тренетать“.
- 10) -на: монг. *daržina-*, *taržina-* „дребезжать, хрустеть“ (калм.) [= -gina, -žigina, и -na, тюркск (кирг.) -nda-].

Особый тип образуют монгольские глаголы на -ji- (-aji-, -uji-), которые выражают внешнюю форму или положение, например: *oboji-* „иметь форму конуса“, *doldaji-* „быть неустойчивым“, *dalbaji-* „быть широким и плоским“, *otnaji-* „изумленно рассматри-

вать, делать большие глаза“, *kelbeji-* „стоять криво“, *kešeji-* „приклоняться, облакачиваться“ и т. д.

В маньчжурском языке для передачи звуков и голосов употребляются оноματοпоэтические комбинации звуков, которые предшествуют глаголу *se-* „делать, говорить“; в корейском подобные же звуковые комплексы предшествуют глаголу *hada* „делать, производить, выполнять“.

Для того чтобы точнее описать какое-либо действие, состояние или происшествие — в отношении способа его осуществления либо конечного результата, непосредственно перед глаголом употребляется ряд звукоподражательных либо иных описательных слов; особенно часто это можно наблюдать в гольдском языке и ольча, а также в корейском языке.

Примеры их: калм. *suju*, *čuju*, *kemta*, *čačə* (*čačə*), *čolto*, *balwə*, *čapčə*, *kemkə*, *mollso*, *möltö*, *sultu* и т. д.; односложные *is*, *tas*, *tes*, *tü*, *tü*, *tsö*, *ču*, *kü*, *ü*, *kes*, *pes*, и т. д. (см. Котвич, § 326 и § 317); гольд. *tul-tul* „постоянно“, *tek-tek* „прямо“, *teas-teas* „совсем“, *leas-leas* „все время, непрестанно“, *lekče-lekče* „плотный, густой“, *luku* „через, сквозь“, *pes* „в сторону“, *pos* „насквозь“, *lak-lak* „счастливы и неожиданно“; тунг. *tin-tin*, *tiŋ-tiŋ* „твердый, крепкий“ и т. д.; кор. *seller-seller* „прохладный“, *ssək-ssək* „очень“ и т. д. Этот способ выражения при помощи „квазислов“, которые с предельно возможной при звукоподражательном изображении выразительностью передают содержание сказуемого, очень принят и распространен в корейском языке. Такого характера производные образования применяются там в качестве наречий и наречных предложений чрезвычайно разнообразно и обобщенно. Это пристрастие корейского языка к различного характера оноματοпоэтике, по моему мнению, едва ли должно возводиться к праязыковым свойствам, исконно присущим алтайским языкам. (Относительно оноματοпоэтических слов вообще следует обратиться к VA, стр. 106 — .)